

Артемий Мар

ДЕЛО о Времени

Артемий Мар
ДЕЛО о Времени

«Автор»

2026

Мар А.

ДЕЛО о Времени / А. Мар — «Автор», 2026

Обычно мы знаем о человеке три даты: рождение, смерть и то, что между ними — время. Но что, если время — не линия, а круг, спираль, пауза или вечное «сейчас»? Бывший следователь, после смерти жены, начинает расследование. Он рассылает письма — туда, где время устроено иначе. Где мёртвые не уходят, а остаются в доме, где кости предков становятся музыкой, где прошлое всегда впереди, а будущее за спиной. Его папка с делами растёт. Его вопросы становятся всё личнее. Его сын Лев найдёт эти письма и отправится в путешествие по следам отца — чтобы понять, что он искал на самом деле. Чтобы встретить тех, кто помнит. И чтобы однажды сесть напротив двоих: Времени и Смерти. Книга, которую вы держите в руках — не учебник антропологии. Это путешествие в самое сердце главного страха человека. И обратно — к тишине, чаю и тёплым рукам тех, кого мы потеряли. После этой книги вы поставите вторую чашку на стол. Не потому что поверите в призраков. А потому что поймёте: любовь — это когда не отпускаешь

© Мар А., 2026

© Автор, 2026

Артемий Мар

ДЕЛО о Времени

Часть 1. Записки следователя

Дело № 1. Пирахан. «Нет вчера»

Из материалов личного дела следователя по особо важным делам в отставке Андрея Ивановича С., 2019–2023 гг. Папка № 1, скоросшиватель «Время».

Примечание на обложке (чернила, дрожащий почерк):

«Начать решил с самого сложного. С тех, у кого времени нет. Если я пойму их, может, пойму и себя. Запросы разосланы. Жду».

Документ № 1/П-1

Исходящий запрос № 14 от 12.03.2019

Кому: Отцу Иоанну, миссионерская станция «Святой Лука», бассейн реки Майси, Амазонас, Бразилия.

Канал связи: Письмо, отправлено заказной авиапочтой.

Уважаемый отец Иоанн!

Прошу прощения за беспокойство. Я вышел на Вас через публикацию в журнале «Вокруг света» за 2005 год, где упоминалась Ваша деятельность среди индейцев племени пирахан. Меня, как человека, посвятившего жизнь изучению обстоятельств смерти, интересует не столько Ваша миссионерская деятельность, сколько одна деталь, которая может показаться Вам незначительной.

Автор статьи упомянул, что в языке пирахан отсутствуют понятия прошлого и будущего времени. Если это так, то как эти люди воспринимают смерть? Что они говорят об умерших? Есть ли у них страх перед кончиной, ритуалы прощания, понятие «предков»?

Буду крайне признателен за любой ответ, даже самый краткий. Понимаю, что Вы заняты делами более важными, чем переписка со старым следователем из России.

С уважением,

Андрей Иванович С., пенсионер МВД.

P.S. Прикладываю марки для ответа и конверт с обратным адресом.

Документ № 1/П-2

Входящий ответ. Получен 17.11.2019.

Отправитель: Отец Иоанн (на бланке миссии, но письмо рукописное, местами выцветшее, словно долго лежало на солнце).

Уважаемый Андрей Иванович!

Простите, что отвечаю лишь через полгода. Оказия до города выпадает редко, а почта здесь — сами понимаете. Ваше письмо дошло, но пока оно путешествовало, я успел схватить тропическую лихорадку, выжить и даже немного пофилософствовать на тему, которую Вы затронули. Видимо, Господь дал мне время подумать.

Вы спрашиваете про смерть у пирахан. Это сложный вопрос. Потому что, отвечая на него, каждый раз упираешься в то, что для них нет смерти в нашем понимании. Но нет и жизни —

как процесса. Я прожил здесь пять лет. Я пытался научить их молиться. Я пытался рассказать им о Христе, о воскресении, о вечной жизни. Знаете, что они меня спросили в ответ на мою самую пламенную проповедь?

Они спросили: «Ты видел Его?»

Я сказал: «Нет, но я верю».

Они засмеялись. Для них верить в то, чего не видел, — безумие. Они верят только в то, что видят сейчас. В эту реку, в это дерево, в эту рыбу, которую мы только что поймали. Вчерашней рыбы для них нет. Завтрашней — тоже. Есть рыба сейчас. Или её нет.

По поводу языка. Вы правы, в нём действительно нет грамматических времён. Нет прошедшего, нет будущего. Это подтверждали и лингвисты, которые сюда приезжали до меня. Они говорили, что пирахан не могут сказать «вчера я ловил рыбу». Они скажут: «рыба ловилась». Или даже точнее: «рыба-ловиться-сейчас». Всё привязано к моменту речи.

Что это значит для смерти?

Я расскажу Вам один случай. Умерла старая женщина. Её звали Икаи. Ей было, по нашим меркам, лет семьдесят — для здешних мест возраст огромный. Я пришёл в стойбище, ожидая увидеть траур, слёзы, может быть, какие-то обряды. Ничего не было. Люди сидели у костра, разговаривали, ели. Тело Икаи лежало в стороне, прикрытое ветками. Я спросил у её дочери: «Ты будешь плакать? Твоя мать умерла».

Дочь посмотрела на меня с искренним недоумением. Она сказала фразу, которую я запомнил дословно. Звучит она примерно так: «Икаи? Икаи сейчас спит. Икаи нет».

Я не понял. «Как нет, если она здесь лежит?»

Дочь покачала головой. Она попыталась объяснить мне, как ребёнку. «Икаи — это когда Икаи ходила, говорила, ела рыбу. Сейчас Икаи нет. Сейчас есть тело. Тело — не Икаи. Икаи ушла, потому что перестало быть сейчас. Когда Икаи была, мы её видели. Сейчас мы её не видим. Значит, её нет».

Для них быть — значит быть в поле зрения, в поле ощущений, в моменте. Как только человек исчезает из этого поля, он исчезает полностью. Не уходит в рай или ад, не превращается в духа, не перерождается. Просто перестаёт существовать, потому что перестаёт быть «сейчас».

Похорон у них нет. Тело просто уносят в лес. Не прячут, не закапывают — оставляют. Для них это мусор, оболочка, которая больше не является человеком. Поминальных обрядов тоже нет. Имени умершего не произносят. Не потому что боятся, а потому что оно больше ничего не обозначает. Имя было привязано к человеку, который был «сейчас». Этого человека нет — имени тоже нет.

Я пытался возражать, говорил о душе, о вечной жизни. Мне ответили: «Ты хочешь жить, когда тебя не видят? Зачем? Жить — это видеть реку, есть рыбу, разговаривать с детьми. Если этого нет — зачем такое жить?»

Вы знаете, Андрей Иванович, я проработал здесь пять лет и не обратил в свою веру ни одного человека. Ни одного. Они просто не понимают, зачем им вера в то, что нельзя пощупать. Им не нужен Бог, который где-то там. Им не нужна жизнь после смерти. Им нужно, чтобы рыба клевала сейчас.

Иногда я думаю, что они счастливее нас. Они не боятся смерти. Совсем. Не потому что храбрые. А потому что для них смерти нет. Только исчезновение из кадра. Как будто выключили свет.

Я болен. Пишу Вам это и понимаю, что, возможно, это моё последнее письмо. Страшно ли мне? Да. Я боюсь. А они бы не боялись. Потому что они бы просто перестали быть.

Да хранит Вас Господь. И дай Вам сил дожить до момента, когда «сейчас» кончится.

С уважением,

бывший отец Иоанн (от церкви я уже отошёл, здесь это стало бессмысленно).

P.P.S. Прикладываю рисунок, сделанный одним из пирахан. Он нарисовал нашу миссию. Там нет людей, только река и деревья. Я спросил: «Где я?» Он сказал: «Ты был. Сейчас тебя нет на рисунке». Я так и не понял, это была шутка или философия.

Документ № 1/П-3

Служебная записка (для себя). 18.11.2019.

Ночь. Прочитал письмо отца Иоанна раз десять. Руки трясутся. То ли от кофе, то ли от понимания.

Он пишет, что они счастливы. Но счастье ли это? Существовать только в моменте, не помня вчера, не думая о завтра? Для собаки это норма. Для человека? Мы же строим планы, мы помним, мы любим на всю жизнь, а не на сейчас. Или это наша тюрьма? Мы помним умерших — и страдаем. Они забывают — и свободны.

Но если нет памяти, то и любви нет? Ведь любовь — это когда человек с тобой, даже когда его нет рядом. Когда ты помнишь его запах, голос, прикосновения. А у них — только пока видят. Как только скрылся за поворотом реки — тебя уже нет? И мать для них существует, только пока она в поле зрения?

Это жестокий мир. Но в нём нет места страху смерти. Потому что смерть — это просто «перестало быть сейчас». Как облако, которое растворилось.

На полях карандашом:

«А я? Я помню мать. Она умерла сорок лет назад. Но я до сих пор слышу её голос. Она для меня есть. Значит, я живу в прошлом? Значит, я уже наполовину мёртв для пирахан?»

Документ № 1/П-4

Выписка из книги. Источник не указан, вероятно, из личной библиотеки.

«В языке пирахан нет числительных, нет цвета (только „светлый“ и „тёмный“), нет причастий и нет понятия „один“. Слова „все“ и „каждый“ тоже отсутствуют. О мире они говорят только то, что видят своими глазами или слышат от очевидцев. Любая информация, переданная третьим лицом, считается недостоверной».

(Источник: Д. Эверетт. «Не спи — кругом змеи». Глава 3.)

Комментарий следователя (красные чернила):

Вот оно! Они не верят в информацию от третьих лиц. То есть, если я не видел смерть своими глазами, её не было. А если видел — человек просто исчез из поля зрения. Это же не смерть, это выход из кадра! Господи, как всё просто и как чудовищно сложно для нас.

Документ № 1/П-5

Письмо-ответ коллеге (не отправлено). Черновик. Датировано 20.11.2019.

Коля, ты спрашиваешь, чем я занимаюсь на пенсии. Я, представь себе, изучаю смерть. Но не как на работе — трупы, протоколы, улики. А как люди к ней относятся.

Нашёл тут одно племя в Бразилии. У них нет времени. Представляешь? Нет вчера, нет завтра. Только сейчас. И знаешь, они не боятся умереть. Потому что для них умереть — это просто перестать быть сейчас. Как будто свет погас.

Я всю жизнь думал, что самое страшное — это момент перехода. Вот он, человек, живой, дышит, говорит. И вдруг — стоп. Тишина. Мы, следователи, это видели тысячи раз. Мы при-

выкли. Но я никогда не думал о том, что чувствует сам уходящий. А они, эти индейцы, наверное, ничего не чувствуют. Потому что они не знают, что завтра умрут. Они знают только сейчас. Сейчас они живы. А потом — не сейчас. И всё.

Мне шестьдесят восемь. У меня гипертония, стенокардия, куча болячек. Я думаю о смерти каждый день. А они — нет. Они счастливее меня. Хотя живут в шалашах и едят каких-то личинок.

Я завидую им, Коля. Чёрной завистью. И тоже не хочу быть как они. Потому что если нет прошлого — нет меня. Нет моей мамы, нет моей Любы, нет всего того, что я расследовал, чем жил. Я становлюсь пустым местом, которое есть только сейчас. А зачем такое существование?

Не знаю. Запутался.

Письмо это, наверное, не отправлю. Ты бы всё равно не понял. Ты всегда говорил: «Не философствуй, Андрей, работай».

Я работаю, Коля. Всю жизнь работал. А теперь думаю. Может, это и есть главная работа?

Документ № 1/П-6

Последняя запись по делу №1. Дата: 23.11.2019.

Сегодня ночью проснулся от того, что не мог дышать. Сердце колотилось, как бешеное. Лежал и смотрел в потолок. Думал: вот оно, сейчас? Сейчас я перестану быть сейчас?

И вдруг вспомнил пирахан. Они бы не испугались. Они бы просто констатировали: «Андрея сейчас нет». И всё. Ни боли, ни страха, ни сожалений.

Но я испугался. Потому что я помню. Я помню, что у меня есть сын, которого я не видел пять лет. Я помню, что не закончил это дело. Я помню, что в холодильнике остался недопитый кефир. Для пирахан это всё неважно. Для меня — это и есть жизнь.

Они не боятся смерти, потому что у них нет жизни — в нашем смысле. У них есть только существование. А жизнь — это память. Это то, что тянется через время. Если нет времени — нет жизни. Есть только биология.

Станный вывод. Я искал рецепт бесстрашия, а нашёл подтверждение, что бояться — нормально. Бояться может только тот, у кого есть прошлое и будущее. Только тот, кто живёт во времени.

Мы, люди времени, обречены на страх. Но именно этот страх делает нас людьми.

На полях, почти нечитаемо:

«Отец Иоанн умер. Получил извещение от миссии. Он перестал быть сейчас. Для Бога, может, и нет. Для пирахан — точно. А для меня? Он есть. Я держу в руках его письмо. Значит, он есть. Значит, я могу его спасти? Нет. Я могу только помнить. И писать дальше».

Конец дела №1.

Дело № 2. Тораджи. «Спящие»

Из материалов личного дела следователя по особо важным делам в отставке Андрея Ивановича С., 2019–2023 гг. Папка № 1, скоросшиватель «Время».

Примечание на обложке (чернила, дрожащий почерк):

«Пирахан сказали: смерти нет, потому что нет времени. А если время есть, но его можно растянуть? Если смерть — не точка, а пауза? Тогда зачем торопиться? Надо найти тех, кто не отпускает. Кто держит».

Документ № 2/Т-1

Исходящий запрос № 23 от 05.01.2020

Кому: Господину Корнелису ван дер Мееру, голландскому этнографу, публиковавшему работы по культуре тораджи на острове Сулавеси (Индонезия). Последний известный адрес: Университет Лейдена, факультет антропологии.

Канал связи: Электронное письмо (через дочь, которая помогла зарегистрировать ящик).
Уважаемый господин ван дер Меер!

Меня зовут Андрей Иванович, я пенсионер, бывший следователь. Прошу прощения за дилетантский стиль — я только осваиваю этот ваш интернет.

Меня заинтересовала культура народа тораджи. Я прочитал, что у них существует обычай держать умерших в доме месяцами, а то и годами. Кормить их, разговаривать с ними, считать не умершими, а «больными» или «спящими».

Подскажите, пожалуйста, это правда? И если да, то как сами тораджи объясняют этот обычай? Они боятся смерти? Они пытаются обмануть время? Или у них просто другое понятие о том, когда человек действительно умирает?

Буду благодарен за любой ответ. Я собираю материал для личных размышлений, не для публикации.

С уважением,

Андрей Иванович С., Россия.

Документ № 2/Т-2

Входящий ответ. Получен 22.02.2020.

Отправитель: Корнелис ван дер Меер. Письмо подробное, академическое, но с личными нотками.

Уважаемый Андрей Иванович!

Ваш вопрос застал меня в странный момент. Я только что вернулся с Сулавеси, где хоронил своего друга — старейшину одной из деревень тораджи. Мы были знакомы двадцать лет. И я присутствовал при всех стадиях его «смерти», которая длилась почти год. Попробую ответить системно.

Да, это правда. У тораджи умерший не считается мёртвым сразу. Его называют «*to takula*» — «больной» или «спящий». Тело бальзамируют формальдегидом (раньше использовали отвары местных растений) и оставляют в доме. Ему приносят еду, воду, с ним разговаривают, его одевают. Считается, что душа ещё не ушла — она рядом, она ждёт.

Почему они так делают? Есть несколько объяснений.

Первое — экономическое. Похороны тораджи — это очень дорогое мероприятие. Нужно резать множество буйволов (чем больше, тем почётнее), пригласить всю деревню, заказать танцоров, вырезать деревянную фигуру «*тау-тау*» в память об умершем. Семья копит на это годами. Пока копят — тело «спит».

Второе — эмоциональное. Родственники не готовы отпустить. Для них смерть — не мгновение, а процесс. Им нужно время привыкнуть, свыкнуться с мыслью, что этого человека больше не будет в мире живых. Год — это срок, за который острота утраты притупляется.

Третье — сакральное. Душа действительно не уходит сразу. Она витает рядом, наблюдает за семьёй, проверяет, достойно ли её провожают. Если семья скупится на буйволов — душа обидится и будет бродить неприкаянной, приносить несчастья. Если же всё сделано правильно — душа отправляется в страну предков (*Puya*) с почестями.

Я спросил своего друга, когда он ещё был жив: «А ты не боишься, что после смерти твоё тело будет лежать в доме, пока дети копят?» Он засмеялся. Сказал: «Я буду не в теле. Я буду рядом и буду видеть, как они стараются. Это лучше, чем сразу в землю. Там темно и скучно».

Он умер в июле. Я уезжал в сентябре. Его тело лежало в отдельной комнате, одетое в лучший костюм, с сигаретой во рту (он при жизни курил). Рядом сидела его жена и рассказывала ему новости. Я зашёл попрощаться. Честно скажу — мне было не по себе. Но ей было спокойно. Она сказала: «Он ещё здесь. Просто молчит. Успеет наговориться там».

Похороны назначены на следующий год. Я обещал приехать.

Вы спрашиваете, боятся ли они смерти. Я думаю, нет. Потому что для них смерть — это не резкий обрыв, а длинный коридор. Они входят в него постепенно, привыкая к темноте. И пока они в этом коридоре — они всё ещё с нами.

Удивительная культура. Мы, европейцы, прячем смерть, выносим её из дома, делаем вид, что её нет. А они — живут с ней. Обедают с ней. Спят под одной крышей.

Кто из нас мудрее — не мне судить.

Если у Вас есть ещё вопросы — пишите. Я постараюсь ответить.

С искренним уважением,

Корнелис ван дер Меер.

P.S. Прилагаю фотографию моего друга. Он сидит в кресле, в тёмных очках, с сигаретой. Выглядит как живой. Страшно? Мне — да. Его жене — нет. В этом, наверное, и есть разница между исследователем и любящим.

Документ № 2/Т-3

Служебная записка (для себя). 23.02.2020.

Прочитал письмо. Сижу и курю в форточку, хотя врачи запретили.

Они живут с мертвецами. Спят с ними под одной крышей. Кормят их. И не боятся. Почему? Потому что для них смерть — не враг, не катастрофа, не конец. Это этап. Длинною в год, в два, в три.

А я? Я за всю свою карьеру видел сотни трупов. Холодных, синих, изуродованных. И каждый раз я их боялся. Не физически — профессионально. Я боялся, что за этим трупом — пустота. Что человек был — и нет. И ничего не осталось, кроме протокола.

А они, тораджи, с этим спорят. Они говорят: нет, он ещё есть. Он в комнате. Он курит (даже мёртвый!). Он слушает новости. Он ждёт, когда мы накопим на буйволов.

Буйволы. Смешно. Они верят, что душа уйдёт только после того, как зарежут достаточно скота. То есть смерть можно отложить. Откупить от неё. Накопить — и заплатить.

Мы платим моргам, похоронным агентам, кладбищам. Они платят духам буйволами. Разница? Пожалуй, их способ честнее. Они знают, за что платят.

На полях карандашом:

«А Люба? Я не держал её дома. Её увезли через три дня. Я даже не попрощался по-настоящему. Я был на работе. Когда вернулся — её уже не было. Ни в комнате, нигде. Если бы я был тораджи, я бы оставил её. Я бы кормил её. Я бы разговаривал с ней. Может, я бы успел сказать то, что не сказал».

Документ № 2/Т-4

Выписка из научной статьи (перевод с английского, выполненной дочерью).

«Ритуал „ма'нене“ у тораджи включает в себя не только содержание тела, но и периодическую смену одежды покойного. Родственники достают тело, обмывают его, переодевают в новые одежды и фотографируются с ним. Это воспринимается не как макабр, а как акт единения семьи. Умерший остаётся членом семьи, просто пассивным».

(Источник: Hetty Nooy-Palm. «The Sa'dan-Toraja: A Study of Their Social Life and Religion».)

Комментарий следователя (красные чернила):

Фотографируются с трупом. Для нас — дикость. Для них — семейный альбом. Они включают смерть в жизнь. А мы вырезаем её, как больной зуб. И потом удивляемся, что боимся. Мы создали культуру, где смерть — это провал, ошибка, которую надо исправить, спрятать, забыть. А они создали культуру, где смерть — это просто изменение статуса. Был активный — стал пассивный. Но всё равно свой.

Документ № 2/Т-5

Письмо-ответ другу (черновик, не отправлен). Датировано 01.03.2020.

Серёга, ты спрашиваешь, как моё здоровье. Здоровье — как у старого пса. Скулит по ночам.

Я тут нашёл одну тему. В Индонезии есть народ, тораджи. Они держат мёртвых дома. Годами. Кормят их, разговаривают. Представляешь? А я до сих пор помню, как мы хоронили твоего отца. Три дня суеты, водка, поминки — и забыли. А если бы он остался? Сидел бы в кресле, курил «Беломор», слушал наши разговоры? Мы бы по-другому говорили? Может, мы бы не ввали так много. Не притворялись бы, что всё хорошо.

Тораджи не притворяются. Они живут с правдой. С правдой о том, что человек смертен. Но эта правда не выгоняет их из дома. Они её кормят завтраком.

Я думаю, это и есть мудрость. Не в том, чтобы победить смерть. В том, чтобы не выгонять её за дверь. Пусть сидит. Пусть курит. Пусть ждёт своего часа. А мы пока поживём.

Но письмо это я, как всегда, не отправлю. Ты скажешь: «Андрей, ты с катушек съехал». Может, и съехал. Но мне нравится этот съезд.

Документ № 2/Т-6

Запись от 15.03.2020. Ночная.

Приснилась Люба.

Она сидела в моём кресле, в том самом, где я сейчас пишу. На ней было её любимое синее платье. Она смотрела на меня и молчала.

Я спросил: «Ты живая?»

Она не ответила.

Я подошёл, хотел дотронуться — и проснулся.

Сердце колотится, рубашка мокрая.

Я лежал и думал: а что, если бы она действительно сидела там? Если бы я, как тораджи, мог оставить её? Приносить ей чай, рассказывать про свои дела, про Лёвку, про то, как я старею и боюсь?

Я бы сошёл с ума. Или, наоборот, обрёл бы покой? Не знаю.

У тораджи есть срок. Год, два, три — потом похороны. Потом душа уходит. А у меня нет срока. Я помню её тридцать лет. И не могу похоронить. Мои похороны длятся всю жизнь.

Может, они мудрее. Они знают, когда отпустить. А я не знаю.

На полях, почти нечитаемо:

«Буйволы. Им нужны буйволы. А мне нужна правда. Но правда не режется, как буйвол. Она живёт в тебе и жрёт тебя изнутри».

Документ № 2/Т-7

Письмо от Корнелиса ван дер Меера (дополнение). Получено 10.04.2020.

Уважаемый Андрей Иванович!

Я всё думал о вашем вопросе и понял, что не сказал самого главного.

Тораджи не просто держат мёртвых. Они держат их, потому что ждут. Ждут, когда душа созреет для ухода. Для них смерть — это не событие, а процесс созревания. Как плод на ветке. Нельзя сорвать незрелый плод. Нельзя похоронить человека, пока его душа не готова.

Они чувствуют время иначе. Для нас время — это часы, минуты, секунды. Для них время — это степень готовности. Готовности отпустить.

Когда я спросил у старого жреца: «А как вы узнаете, что душа готова?» — он посмотрел на меня с жалостью. Он сказал: «Когда перестаёшь наливать ему чай. Однажды просто перестаёшь. Значит, готов».

Вы понимаете? Они не назначают дату. Они ждут знака от себя. От своего сердца. Сердце знает, когда пора.

Я думаю, это и есть та мудрость, которую мы потеряли. Мы хороним на третий день, потому что так положено. А они хоронят, когда сердце скажет: «Всё. Отпускаю».

Берегите себя.

Корнелис.

Документ № 2/Т-8

Последняя запись по делу №2. Дата: 12.04.2020.

Сегодня налил чай. Две чашки. Одну — себе. Вторую поставил напротив.

Просто так. Для Любы.

Посмотрел на пустое кресло и подумал: а вдруг она видит? Вдруг она, как тораджи, рядом? Вдруг она ждёт, пока я перестану наливать?

Я не перестану.

Я буду наливать. Пусть думают, что я сошёл с ума. Пусть Лёвка крутит у виска, если узнает. Но мне легче. Когда стоит вторая чашка — я не один.

Тораджи знают тайну: мёртвые уходят не тогда, когда умирают. Они уходят тогда, когда о них перестают заботиться.

Я буду заботиться. Пока жив.

На полях, почти карандашом:

«Значит, моя смерть наступит, когда Лёвка перестанет наливать чай для меня. Но он не знает. Он не тораджи. Он просто забудет. И я уйду по-настоящему. Страшно? Нет. Обидно».

Документ № 2/Т-9

Приложение. Фотография (описание).

Чёрно-белый снимок, распечатанный на обычной бумаге. Размытый, словно копия копии.

На фотографии — пожилой мужчина в тёмных очках и европейском костюме. Он сидит в плетёном кресле. В руке — сигарета. Рядом стоит женщина в национальной одежде, улыбается, приобнимает его за плечо.

Мужчина выглядит неестественно прямым. Потому что он мёртв. Это «спящий». А женщина — его жена, которая ждёт, когда сердце скажет «пора».

На обратной стороне подпись от руки: «Пак Румин, 2018. Ещё пьёт кофе».

Комментарий следователя (красные чернила):

«Ещё пьёт кофе». Они пишут это не как шутку. Они пишут это как факт. Потому что для них он действительно ещё пьёт. Или мог бы пить, если бы захотели. В этом разница. В вере.

Конец дела №2.

Дело № 3. Аймара. «Прошлое впереди»

Из материалов личного дела следователя по особо важным делам в отставке Андрея Ивановича С., 2019–2023 гг. Папка № 1, скоросшиватель «Время».

Примечание на обложке (чернила, дрожащий почерк):

«Пирахан живут вне времени. Тораджи растягивают время. А эти, аймара, перевернули его. Для них прошлое — впереди. Будущее — позади. Как это возможно? И главное: если я пойму это, я пойму, куда мы идём. Или откуда мы пришли».

Документ № 3/А-1

Исходящий запрос № 31 от 18.05.2020

Кому: Профессору лингвистики Марте Хардвик, Калифорнийский университет, Беркли. Специалист по языкам кечуа и аймара.

Канал связи: Электронное письмо (через дочь).

Уважаемая профессор Хардвик!

Я пенсионер из России, бывший следователь. Занимаюсь частным исследованием — как разные народы воспринимают время и смерть.

Меня заинтересовал народ аймара (Боливия, Перу). Я где-то встречал упоминание, что в языке аймара время течёт "задом наперёд": прошлое находится впереди, а будущее — позади. Насколько это соответствует действительности? И если да, то как это влияет на их отношение к смерти? Куда уходит человек для них — вперёд или назад?

Извините за дилетантские формулировки. Я только учусь задавать правильные вопросы.

С уважением,

Андрей Иванович С.

Документ № 3/А-2

Входящий ответ. Получен 12.06.2020.

Отправитель: Профессор Марта Хардвик. Письмо академически точное, но с живыми примерами.

Уважаемый Андрей Иванович!

Ваш вопрос попал в точку. Концепция времени у аймара — одна из самых удивительных вещей, с которыми я столкнулась за свою карьеру.

Короткий ответ: да, это правда. В языке аймара (и отчасти у кечуа) пространственные метафоры времени зеркально перевёрнуты по сравнению с европейскими языками.

Как мы говорим:

Будущее — впереди («впереди нас ждут великие дела»).

Прошлое — позади («это осталось позади»).

Как говорят аймара:

Прошлое — впереди (pauga pascha — «глазное время», время, которое мы видим перед собой).

Будущее — позади (qhira pascha — «время сзади», время, которое мы не видим).

Почему так? Потому что прошлое мы знаем. Мы его видели, оно перед нами, как открытая книга. А будущее мы не знаем, оно скрыто от глаз — значит, оно сзади.

Представьте, что вы едете в машине, но сидите задом наперёд. Вы видите только то, что уже проехали. То, что впереди (будущее) — вы не видите. Примерно так аймара ощущают время.

Как это связано со смертью? Очень интересно.

У аймара есть понятие «jiwafa» — умирать. Но смерть для них — это не шаг в неизвестность (будущее), а вхождение в прошлое. Человек умирает и становится частью того, что уже было, что видно, что доступно взгляду.

Предки (achachila) находятся не где-то в туманном будущем (как рай или нирвана), а в прошлом — то есть впереди. Они смотрят на живых из того времени, которое уже случилось. Живые идут в будущее спиной вперёд, видя только предков.

Я присутствовала на одном похоронном обряде в высокогорной деревне. Старуха умерла. Её внук, мальчик лет десяти, спросил у отца: «Она теперь там, да?» — и показал рукой вперёд, в сторону гор. Не вверх, не вниз, а именно вперёд. Отец кивнул.

Для них смерть — не падение в пропасть и не вознесение. Это просто переход в зону видимости. Ты был жив (непонятно где), а стал мёртв — и теперь ты впереди, тебя видно.

Я пишу «видно» не как метафору. Они действительно верят, что предки видны. Не физически, конечно. Но они — часть пейзажа. Часть гор, озёр, облаков. Они — то, что уже есть, что уже случилось, что можно показать рукой.

Попробуйте, Андрей Иванович, представить, что ваша умершая жена — не позади, а впереди. Что вы идёте к ней, а не от неё. Что она ждёт вас там, в том времени, которое уже наступило и которое вы видите каждый день, просто не узнаете.

Это меняет всё.

С надеждой, что мои объяснения помогут,

Марта Хардвик.

P.S. Прилагаю небольшую статью на эту тему. Там есть таблицы и схемы для тех, кто любит структуру.

Документ № 3/A-3

Выписка из статьи М. Хардвик. «Пространственные метафоры времени в андийских языках».

«В языке аймара слово „пауга“ означает одновременно и „глаз“, и „перед“, и „прошлое“. Буквально: то, что перед глазами — то и было. Слово „qhira“ означает „спина“, „сзади“ и „будущее“. То есть будущее — это то, что мы не видим, что за спиной. Аймара жестикуют, говоря о прошлом, — указывают вперёд. Говоря о будущем — машут рукой назад, через плечо. Для европейца это выглядит как абсурд. Для аймара наш способ — абсурд. "Как можно видеть то, чего ещё нет?" — спрашивают они».

Комментарий следователя (красные чернила):

«То, что перед глазами — то и было». Господи, как просто. Мы всё время смотрим вперёд, надеясь увидеть будущее. А они знают: впереди только прошлое. Будущее — за спиной. Его не видно. Его можно только чувствовать. Или бояться.

Документ № 3/А-4

Запись от 15.06.2020. Ночная.

Сегодня попробовал представить.

Сажу за столом. Передо мной — окно. За окном — фонарь, кусок неба, крыша соседнего дома.

Попробовал представить, что это не реальность, а моё прошлое. Что Люба там, в этом окне, среди фонарей и крыш. Что она смотрит на меня оттуда, из того, что уже было.

А будущее — за спиной. Там, где дверь в коридор. Тёмный коридор, в котором ничего не видно.

Я обернулся. Коридор тёмный. Ничего не видно.

Странное ощущение. Страх ушёл. Потому что бояться можно только того, что впереди. А если впереди только прошлое — чего бояться? Прошлое уже случилось. Его не изменить. Его можно только видеть.

Получается, аймара не бояться смерти. Потому что смерть — впереди. Она уже видна. Она — часть пейзажа.

На полях:

«А мы боимся. Потому что смерть у нас — в будущем, за спиной. Мы не видим её, но чувствуем, как она дышит в затылок. Кто из нас трус?»

Документ № 3/А-5

Письмо от неизвестного корреспондента (переслано Мартой Хардвик).

Отправитель: Пабло Мамани, учитель из деревни в окрестностях Ла-Паса, Боливия. Оригинал на испанском, перевод прислан профессором.

Уважаемый сеньор из России!

Мне рассказала профессор Хардвик, что вы интересуетесь нашими обычаями. Я хочу поделиться одной историей. Не знаю, поможет ли она вам.

Мой дед умер, когда мне было десять лет. Он был старый, очень старый. Перед смертью он позвал меня и сказал: «Сынок, я уйду вперёд. Ты остаёшься здесь. Но не оглядывайся. Там, сзади, — темнота. Смотри только вперёд, на меня. Я буду там всегда».

Я не понял тогда. Я думал, он говорит про небо, про рай. Но потом, когда его не стало, я понял. Он действительно остался впереди. Я вижу его каждый день. В горах, в облаках, в старых камнях. Он — часть того, что было. А был он — хороший человек. Значит, и впереди у меня — хорошее.

Вы, наверное, думаете, что мы, индейцы, глупые. Что мы не знаем науки. Но мы знаем одно: если прошлое впереди, то мы идём не в пустоту. Мы идём к тем, кого любили. Они нас ждут. А вы идёте спиной вперёд и боитесь удариться. Кто из нас умнее?

Пусть ваше прошлое будет светлым, сеньор. Тогда и впереди будет свет.

Пабло Мамани.

Комментарий следователя (красные чернила):

«Мы идём к тем, кого любили». Боже, как же это просто. И как недостижимо для нас. Мы идём в никуда. А они — к своим. И поэтому не боятся.

Документ № 3/А-6

Запись от 20.06.2020. Дневная.

Перечитал письмо Пабло. Расплакался, как ребёнок.

Он прав. Я всю жизнь шёл спиной вперёд, боясь того, что сзади. Боялся смерти, боялся старости, боялся, что Люба не ждёт меня там, потому что там — пустота.

А если представить, что она — впереди? Что я иду к ней? Что каждый мой шаг приближает меня не к пропасти, а к встрече?

Это же меняет всё!

Но как в это поверить? Я — следователь. Я привык к фактам. А фактов нет. Есть только вера Пабло и его деда. И их спокойствие.

Они спокойны. А я — нет. Значит, они что-то знают, чего не знаю я.

На полях:

«Или не знают, а просто верят. Но разве вера — это не знание? Для меня — нет. Для них — да. И их вера даёт им то, что моё неверие отнимает у меня».

Документ № 3/А-7

Фрагмент переписки с профессором Хардвик (дополнительный вопрос).

Андрей Иванович:

Марта, простите за глупый вопрос. Если прошлое впереди, а будущее позади, то как они объясняют рождение детей? Ребёнок — это будущее. Он должен быть позади? Но он же перед глазами!

Ответ Марты Хардвик:

Отличный вопрос. Я задавала его информантам. Они смеялись и говорили: «Ребёнок — это не будущее. Ребёнок — это продолжение прошлого. В нём живут предки. Поэтому он впереди. А то, что будет с ним через двадцать лет, — это позади. Мы этого не знаем. И не хотим знать. Главное, что он сейчас — часть того, что было».

Понимаете? Для них будущего нет в том смысле, в каком мы его понимаем. Есть только unfolding — разворачивание прошлого. Всё новое — это на самом деле хорошо забытое старое. Даже дети.

Документ № 3/А-8

Последняя запись по делу №3. Дата: 22.06.2020.

Сегодня день рождения Любы. Ей бы исполнилось шестьдесят пять.

Я налил две чашки (спасибо тораджи). Поставил её фотографию перед собой, на стол. И долго смотрел на неё.

Потом вспомнил аймара и подвинул фотографию дальше. Чтобы она была не рядом, а впереди. Чтобы я смотрел на неё и видел — вот оно, моё прошлое. Оно передо мной. Оно никуда не ушло. Оно просто стало видимым.

И знаете, стало легче. Потому что я перестал ощущать её как потерю. Она не потеря. Она — то, что было. А было — хорошо. Значит, и впереди у меня — хорошо. Потому что впереди только прошлое.

Странная логика. Но она работает.

Я иду по жизни спиной вперёд. Будущего не вижу. Вижу только прошлое. Но если в прошлом была Люба, то я вижу Любу. И это — лучший вид, который только можно себе представить.

На полях, почти карандашом:

«Лёвка бы сказал: папа, ты свихнулся. Но Лёвка не понимает. Он ещё не старик. Он ещё боится будущего. А я уже нет. Потому что впереди у меня — только она».

Документ № 3/А-9

Приложение. Схема, нарисованная от руки.

На листе бумаги карандашом изображены две фигуры.

Первая фигура (подпись: «Европеец») стоит лицом вперёд. Перед ним нарисован знак вопроса — будущее. За спиной — череп и крест — прошлое (смерть).

Вторая фигура (подпись: «Аймара») стоит лицом... тоже вперёд? Нет. Она стоит лицом к зрителю, но стрелка показывает, что она движется спиной вперёд. Перед ней — череп и крест (прошлое, смерть). За спиной — знак вопроса (будущее).

Внизу подпись:

«Кто из них меньше боится? Тот, кто видит смерть перед собой. Потому что видимое — не страшно. Страшно только то, что за спиной».

Конец дела №3.

Дело № 4. Бали. «День, когда умерло время»

Из материалов личного дела следователя по особо важным делам в отставке Андрея Ивановича С., 2019–2023 гг. Папка № 1, скоросшиватель «Время».

Примечание на обложке (чернила, дрожащий почерк):

«Пирахан живут вне времени. Тораджи растягивают время. Аймара переворачивают его. А эти, балийцы, — останавливают. Раз в год они выключают время. И выпускают духов гулять. Интересно, а если остановить время совсем — смерть тоже остановится? Или наоборот — только и выйдет?»

Документ № 4/Б-1

Исходящий запрос № 42 от 10.07.2020

Кому: Господину Кетуту Виджае, владельцу гостевого дома в Убуде, о. Бали, Индонезия. Контакт найден через туристический форум.

Канал связи: Электронное письмо (через дочь).

Уважаемый господин Виджая!

Прошу прощения за неожиданное письмо. Я пенсионер из России, бывший следователь. Сейчас занимаюсь частным исследованием — изучаю, как разные народы воспринимают время и смерть.

Меня очень заинтересовал балийский праздник Ньепи — День тишины. Я читал, что в этот день на острове останавливается всё: не работают магазины, не летают самолёты, нельзя выходить на улицу и даже зажигать свет. Говорят, что время останавливается.

Подскажите, пожалуйста, как сами балийцы объясняют этот обычай? Что происходит со временем в этот день? И куда уходят духи, которые, как я читал, выходят на улицы?

Буду искренне благодарен за любой ответ, даже самый краткий.

С уважением,

Андрей Иванович С., Россия.

Документ № 4/Б-2

Входящий ответ. Получен 25.07.2020.

Отправитель: Кетут Виджая. Письмо на английском, с характерной юго-восточной вежливостью и неожиданной глубиной.

Уважаемый господин Андрей!

Спасибо за ваше письмо. Очень интересный вопрос. Мало кто из туристов спрашивает про смысл. Обычно спрашивают: «А можно в этот день выйти на пляж?» Я всегда смеюсь. На Ньепи нельзя даже думать о пляже.

Я попробую объяснить, как мне объяснял мой дед. Он был священником в нашей деревне.

Ньепи — это день, когда остров становится пустым. Не только от людей, но от времени. Наши предки верили, что время — это не река, как у вас, а дыхание. Оно есть, когда мы дышим. Когда мы замираем — времени нет.

Раз в году мы все замираем. Не выходим из домов, не говорим, не едим (почти), не зажигаем огня. Мы делаем вид, что остров мёртв. И знаете, зачем?

Чтобы обмануть злых духов.

В этот день, по поверьям, духи спускаются на землю. Они ищут, кого бы забрать. Они ходят по пустым улицам, заглядывают в окна, прислушиваются. Но они не видят огня, не слышат голосов, не чувствуют запаха еды. Им кажется, что остров уже мёртв. Что все уже умерли. И они уходят.

А на следующий день мы выходим. Мы просыпаемся. И начинаем новый год. Новое время.

Дед говорил так: «Время — это гость. Если ты всё время суетишься, оно тебя замучает. Но если ты хоть раз в год сядешь и замолчишь, время подумает: "А этот человек уже мёртв? Зачем я буду его трогать?" И пройдёт мимо».

Понимаете? Мы не останавливаем время по-настоящему. Мы делаем вид. Но духи верят. И смерть откладывается ещё на год.

Я сам не знаю, есть ли духи на самом деле. Но я знаю одно: после Ньепи я всегда чувствую себя заново родившимся. Как будто время действительно сбросилось. Как будто мне снова ноль лет.

Приезжайте, если сможете. Увидите сами. Только не выходите из дома. А то духи вас заберут. Шучу. Или нет.

С уважением,

Кетут Виджая.

P.S. Прилагаю фотографию нашей деревни в Ньепи. Там нет никого. Только туман и дорога. Красиво и страшно.

Документ № 4/Б-3
Служебная записка (для себя). 26.07.2020.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.